

общества, приведшая к закату либерализма, олицетворением которого в антропологии был Анучин, и, наконец, распад самой царской империи, ставшей, в частности, жертвой так и нерешенного национального вопроса. Для лидеров советской антропологической науки, таких, как А. И. Ярхо, старая физическая антропология была уже не более чем пустым звуком (с. 488). Ее «опасная связь» с евгеникой в 1920-е гг. еще более убедила советский научный истеблишмент, что антропология должна играть исключительно вспомогательную роль, ограничиваясь предоставлением полезного фактического материала для изучения вопросов об антропогенезе и соотношения «биологического» и «социального». Тем не менее, и советская антропология на свой лад повторила судьбу своей предшественницы. Как и в царской России, в

СССР национальный вопрос вновь был исключен из пространства серьезных научных и политических дебатов, что привело и к гибели «советской империи», и к новому кризису советской антропологии. Впрочем, данная проблематика, как уже отмечалось, осталась за пределами книги Могильнер. Поэтому можно лишь гадать, какую интерпретацию ей бы придала сама автор.

Опубликованная книга, несомненно, будет интересна не только специалистам, но и более широкому кругу читателей, желающему узнать о том, как конкретные научные знания о физической природе и разнообразии человечества связаны с культурными и политическими реалиями сравнительно недавнего прошлого нашей страны.

Д. В. Михель

Родословная гениальности: из истории отечественной науки 1920-х годов / Сост., вступит. статья и коммент. Е. В. Пчелова. М.: Старая Басманная, 2008. 350 с.

Как известно, термин «евгеника» в науку ввел Фрэнсис Гальтон. Кузен Чарльза Дарвина и внук Эразма Дарвина, он по собственному опыту сознавал важность «хорошего происхождения». Кроме того, он любил заниматься счетом: идя по улице, подсчитывал количество цветков в соцветиях каштанов или считал встречавшихся ему хороших женщин. Эти интересы соединились, когда он стал подсчитывать, сколько ученых дал некий род, и писать об улучшении человеческой породы путем «евгенических» браков. Самой большой бедой Гальтона было то, что у него самого не было детей. Но детей духовных – последователей евре-

ники и науки, которая только зарождалась, – генетики – у него на рубеже XIX и XX вв. нашлось немало. И если в парижском Музее естественной истории Галерея эволюции заканчивается изображением не человека, а его генов, то причина этого отчасти в идеях Гальтона.

Нашли они последователей и в СССР. На одном из первых заседаний Русского евгенического общества Н. К. Кольцов произнес речь о генеалогии семьи, давшей миру Дарвина и Гальтона. Евгеника стала его кредо, его «религией». Кольцов бросил призыв к талантам земли русской оставлять как можно больше потомства и всемерно способствовал развитию

генетических исследований в Советском Союзе.

О социальной истории советской генетики написано много; и хотя евгеника изучена меньше, ей также посвящен ряд работ. Проект Е. В. Пчелова имеет другую цель. Во-первых, переиздать первоисточники – статьи 1920-х гг., опубликованные в «Русском евгеническом журнале», «Медико-биологическом журнале» и «Известиях Бюро по евгенике». Во-вторых, рассмотреть историю отечественной евгеники в контексте генеалогии – исторической дисциплины, которая, как кажется, интересует Пчелова больше всего. Свою книгу он разделил на две части: статьи Н. К. Кольцова, А. С. Серебровского, М. В. Волоцкого, В. С. Золотарева и других деятелей евгеники вошли во вторую, а первая часть – это его собственная большая статья «Евгеника и генеалогия в отечественной науке 1920-х годов». Она, в свою очередь, состоит из трех разделов: первый – «Евгеника: люди и идеи» – обзор того, кто, когда и что именно делал в этой области в Советском Союзе; второй – о «евгеническом этапе русской генеалогии», где обосновывается тезис автора о генеалогии как науке и евгенике как ее части, и третий – «трансформации и ликвидации» – о судьбе евгеники и работавших в ней людей. Как известно, от своего евгенического кредо Кольцов так и не отрекся – хотя и сделал в 1930-е гг. много оговорок по поводу своих ранних статей. Его трагический конец придал героический ореол и самой науке (в ту пору – с приставкой «лже-»), и ее создателям. В сборник включены и знаковые работы, вышедшие из ленинградского Бюро по евгенике: статья Ю. А. Филипченко «Интеллигенция и таланты» и коллективное исследование генеалогии

российских академиков. Апеллируя к тому, что интеллигенция – это «генофонд» российской нации, Кольцов, Филипченко и их коллеги пытались защитить тех, на кого обрушился революционный кулак. Вскоре не только их подзащитным, но и им самим пришлось туго. С подъемом в Европе нацизма и началом нашего «Великого перелома» маневрировать между и биологическим и социальным становилось все труднее и опаснее.

Пожалуй, наименее знакома и наиболее интересна в книге история генеалогии – дисциплины, относящейся к разряду исторических и соседствующей с геральдикой, библиографией и археографией. Хотя и кратко, но автор упоминает о Русском генеалогическом и Историко-родословном обществах и приводит биографические справки об их деятелях – С. В. Любимове, Ю. А. Нелидове, Н. К. фон Эссене, В. С. Арсеньеве. В 1920-е гг. многие из них активно интересовались биологией наследственности и даже стали участниками евгенического движения. И наоборот: биологи с помощью историков и профессиональных генеалогов взялись за составление родословных – Кольцов составил ее для своего рода в связи со Станиславским и Четвериковыми. Научная генеалогия в России повторила судьбу евгеники за тем исключением, что в конце прошлого века она вернулась из небытия и стала вновь востребована, а евгеника после нацизма получила клеймо тоталитарного проекта. На рубеже XX и XXI вв. в нашей стране были предприняты попытки составить родословную Пушкина с помощью компьютера, а также «единую генеалогию русской культуры» (с. 50). Автор считает, что «наследие генеалогов-евгенистов [...] не утратило своего значения до

сих пор» (с. 2). К сожалению, он не ставит вопроса о конечной цели составления родословных — что же, в конечном счете, нам дает знание всех кровных родственников поэта или всех родственных связей деятелей русской культуры? В особенности, если учесть, что наследование таланта, душевной болезни или других индивидуальных особенностей в по-

давляющем большинстве случаев остается лишь гипотезой. Тем не менее, работа Пчелова будет полезна тем, кто обратится к истории того полунаточного, полуутопического проекта, каким когда-то была евгеника в нашей стране, и тем, кого заинтересует деятельность генеалогов.

И. Е. Сироткина